

Азамат Байгалиев
Мы, марсиане

Азамат Байгалиев

Мы, марсиане

«Издательские решения»

Байгалиев А.

Мы, марсиане / А. Байгалиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935915-5

«Абсурдистские рассказы Азамата Байгалиева, фантазмагоричность сюжетов которых начинается с как бы вполне реалистичных сценок, — это та редкая для меня ситуация, когда, дочитав рассказ, я возвращался к началу, чтобы перечитать — очень уж неожиданным оказывается сюжетный, а следовательно и смысловой поворот. Ощущение, что продул себе голову свежим ветром». Сергей Костырко, литературный журнал «Новый мир»

ISBN 978-5-44-935915-5

© Байгалиев А.
© Издательские решения

Содержание

Поднимая Солнце	6
Тик едет отдыхать	6
Поднимая Солнце	9
Добежать до радуги	10
В путь	11
Земля Шена	12
Танцы с пеликанами	14
Любовь	16
Птичья тайна	17
Пишите письма	19
В гавани нет кораблей	21
Мы, марсиане	23
Вернуться домой	23
Новый снег	25
ГЛАВА 1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мы, марсиане

Азамат Байгалиев

Иллюстратор Алексей Чесноков

© Азамат Байгалиев, 2018

© Алексей Чесноков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5915-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поднимаю Солнце

Тик едет отдыхать

Залететь на восходе на Восточный перрон и свыкнуться с мыслью, что здесь тебя больше ничего не держит! Это ли не счастье? Отдых, отдых и ещё раз отдых! Дорогу, милые мои пассажиры, посторонитесь, Тик едет отдыхать.

Большой розовый чемодан наполнен всякой мелочью, бельём и электрической бритвой. Глаза блестят, чёлка стоит торчком, кроссовки отмыты белой тряпочкой и новые джинсы затёрты как у самого настоящего туриста. Билет? Где билет? Ах, вот он. Тик просто не мог его забыть, иначе отпуск был бы безвозмездно испорчен. Поднял голову вверх – Солнце уверенно выбиралось из-за горизонта и уже вот-вот готово было улыбнуться. Тик улыбнулся ему на всякий случай, но светило ещё, видимо, не совсем проснулось, отчего не заметило его, Тиковское, приветствие. Ну да это не так уж важно. Тик едет отдыхать! Впервые за много лет наконец-то кто-то соизволил заменить его на рабочем посту, оставив Тика один на один со своими превосходными каникулами. И теперь нужно было использовать их на все сто.

В первую очередь, посетить все музеи. Он так давно не был в музеях! Высокая культура всегда привлекала его больше, чем что-либо, однако за повседневностью рутинных дел приходилось подавлять в себе желание открыть журнал «Музейный путеводитель» и окунуться с головой в мир гармонии и красоты. Но теперь всё по-другому. Теперь Тик может больше, чем даже мечтал многие годы, – он воочию увидит шедевры мировой сокровищницы.

Ну а после, конечно, в горы, на лыжные курорты. Самые дорогие, самые удобные, самые уютные, с камином и тёплым шерстяным одеялом. Или лучше с двумя тёплыми шерстяными одеялами. Да, надо обязательно это запомнить. Сердце замирает от предвкушения бешеных скоростей, от сладости полёта с большого трамплина, от хруста собственных костей... Нет, последнее, пожалуй, слишком. Обойдёмся горячим шоколадом и тёплым душем вечером перед сном. Сыр! Как же не вспомнить о плавленом сыре и часах с кукушкой? Без часов с кукушкой оттуда не возвращаются. Плохой тон.

Надо же, как мало времени и как много нужно успеть ощутить! А может, рвануть на озеро? На тихое прозрачное озеро с одиноким бунгалом, с деревянной лодкой и живописной природой вокруг. Как в фильме про романтиков. Пожить там пару недель, отрешиться от буйного мира, упокоить душу, если в ней ещё что-то осталось чистого и светлого. Работа выжимает каплю за каплей, как из вкусного сочного плода мы выжимаем сок. Да что там думать, в любом случае можно будет впитать и запечатлеть в памяти каждое мгновение проведённого отпуска. Первый отпуск! Похожее ощущение Тик испытывал только тогда, когда получил первую зарплату много-много лет назад.

– Внимание! С первого пути отбывает Восточный экспресс. Пассажирам и проводникам счастливой дороги, – оповестил по вокзалу приятный женский голос, и поезд тронулся с места.

Тик нашёл своё купе под номером 18, положил сумку на верхнюю полку и с облегчением перевёл дух.

– Простите, вы турист? – только сейчас Тик понял, что он не один. На него приятно смотрели две пары миндалевидных глаз.

– Да, решил наконец-то взять отпуск, – улыбнулся Тик.

– Меня зовут Дана, а это мой муж Бауржан, – представилась молодая женщина. – Мы были в вашем городе впервые, и вот теперь возвращаемся домой. Мы решили, что Восточный экспресс будет идеальным вариантом для нас, ведь он проходит через самые живописные места и даже останавливается в Долине Семи Рек...

– Дана, дай же нашему попутчику представиться. А то ты долго можешь разговаривать на эту тему, – сказал её муж.

– Ах, извините, конечно же! Как вас зовут? – спохватилась Дана, протягивая свою тонкую белую руку.

– Тик, – ответил Тик и пожал руки обоим. – Очень приятно с вами познакомиться. Похоже, мы с вами выбрали Восточный экспресс по одной и той же причине. Действительно, Долина Семи Рек представляет собой крайне необычное явление, появившееся, вероятно, ещё в эпоху расцвета...

И далее пошёл тёплый разговор, который был приятен всем троим. Говорили о высоком, о духовном, о чистом и нравственном. Тик давно не получал такого удовольствия от общения. И вправду говорят, что отпуск способен разбудить душу каждого.

Вечером к неторопливо беседующей тройке присоединился представительный бизнесмен-нефтяник, который, к общей радости, знал не только о цене за баррель, но одинаково хорошо разбирался в истории и искусстве. За лёгким ужином перекусили свежими фруктами, печёным хлебом и тонкими ломтиками сыра. Нефтяник этим не ограничился и утёр баранью ножку. Впрочем, никто его за это не упрекнул даже в мыслях. Солнце непринуждённо исчезало за холмами, мир окрашивался в тёплые оранжевые тона.

Тик вытащил из своей походной сумки шашки и умудрился проиграть всем троим. И получил от этого небывалое удовольствие. Он с таким восторгом говорил это слово «сдаюсь!», что казалось, Тик провёл свою лучшую партию в жизни и теперь может с гордо поднятой головой покинуть поле боя.

Так вот умиротворённо и радостно заканчивался первый день отпуска, и Тик сделал вывод, что отпуск – это прекрасно и полезно для него, служащего с крайне нервной и объёмной работой в социально-политических кругах.

За окнами появились яркие южные звёзды. Экспресс сначала нёсся по бескрайней степи, затем – мимо полноводных рек, вдоль причудливых рощ и хвойных лесов. Ближе к полуночи железная дорога вырвалась из объятий материка к морскому побережью. Через приоткрытые окна тёплый бриз прорвался в купе каждого вагона и разнёс солоноватый запах моря. Утомлённый дневной суетой, Тик с большим удовольствием растянулся на полке и со счастливой улыбкой слушал шум прибоя. Дана и Бауржан молча смотрели в окно, обнявшись и только изредка обмениваясь своими впечатлениями. Нефтяник негромко похрапывал по другую от них сторону, и море его не волновало. Он ездил по этому пути как минимум три раза в месяц и уже просто перестал обращать внимание на красоту открывшегося для путешественников мира. Кроме того, завтра рано утром он должен был выйти на станции и заключить какой-то очень важный для его компании контракт. Так что остальные старались не мешать бизнесмену отоспаться до будущих деловых сражений.

Странное тревожное чувство разбудило Тика около двух ночи. Он поднялся, протёр глаза, помотал головой. Напряжение не спадало. Посмотрел с верхней полки вниз – Дана и Бауржан уже крепко спали, закутавшись в лёгкое шёлковое одеяльце. Нефтяник храпел теперь гораздо громче, но не он стал причиной пробуждения Тика. Что-то неприятное случилось далеко отсюда. Но что? Тик осторожно спустился вниз, открыл дверь купе и вышел. Коридор был пуст. Только в самом его конце засидевшийся пассажир читал утреннюю газету, которая ещё не вышла и даже не была распечатана в типографии. Тик с любопытством подошёл к необычному читателю.

– Что пишут? – поинтересовался Тик.

– Да так, ничего особенного, – раздался скрипучий голос из-за газеты. – Всё интриги, интриги...

– Хм... Вы всегда читаете завтрашние газеты сегодня?

– Ну, уж больно хотелось посмотреть, как отреагирует пресса на вчерашний переворот.

– Какой ещё переворот? – встревожился не на шутку Тик.

– Как, вы ещё не знаете? – пассажир опустил газету. На Тика уставилась волосатая морда старого седого черта с пожелтевшими рогами. – У нас в Аду Шайтан взял отпуск, уселся на Восточный экспресс и был таков. Так пока его нет, оппозиция всю власть к рукам-то и прибрала. Узурпировала, то есть.

– Как узурпировала!?! – взревел неистово Тик на весь вагон, и глаза его зажглись адским пламенем. – Кто без меня посмел!?! Сейчас вернусь – всем рога пообломаю!

Так Тик понял, что его отпуск закончился.

Поднимая Солнце

Проснувшись ранним утром, они молча бродили по берегу тихого озера, нежно гладили волосы, целовали в губы, бросали круглые камешки в воду и едва касались мягкой влажной травы. Прохлада укутала окрестность в свое длинное одеяло из мокрого шелеста ветра в саду, тела дрожали, как на морозе, потускневшая луна медленно терялась в серости неба.

– Жаль, что у нас никогда не бывает солнечных дней, – виновато улыбнулась Амина. – В наших краях всегда сумрачно.

Мади посмотрел в сторону горизонта и вдохнул больше воздуха.

– Ты же не обижаешься, что я привела тебя сюда? Это мой дом, каким бы он ни был, – девушка обняла своего спутника и уткнулась в его плечо. – Прости, а?

– Не проси прощения, мне нравится твой мир, – ответил Мади. – Но почему в нем нет ни одной живой души?

– Это «земля духов», земля сумрака и опустошения. Здесь издавна бродили среди болот и озер бестелесные создания.

– А как оказалась здесь ты? – Мади мягко прижал ее к себе, поцеловал.

– Не помню, – честно призналась Амина, опустив глаза.

Взялись за руки, постояли, пошли. Остановились, он посмотрел в ее темные глаза, забылся, потом опять вдруг что-то вспомнил, но ее влажные губы коснулись его щеки, и вспоминать ничего не захотелось.

– Так ты не видела Солнце? – спросил Мади у девушки, когда они присели на мрачном холме.

– Видела, но очень давно, – на миг девушку охватила тревога, словно забредший из далекого мира странник мог подарить ей Солнце.

– Хочешь, я подарю его тебе!? – радостно вскочил Мади, глаза его засверкали.

– Да, но как? – Амина удивленно захлопала ресницами, поднимаясь вслед за ним.

– Я мигом!

Мади понесся со всех ног на край земли, унылые духи отшатывались от его тени, а те, кто понял, что сейчас произойдет, уносили ноги из этого мира. Белый прозрачный поток ринулся прочь, ожидая прихода Солнца. А Мади ничего этого не видел, и только алое пламя заточенной звезды полыхало перед ним бесконечным источником света. Он ухватился за самый краешек этой звезды и потянул за собой. Огненное зарево вмиг коснулось серого горизонта, а Солнце, которое нес на своих плечах Мади, поднималось все выше и выше. Вот первые лучи коснулись мрачных холмов, вот слабые растения потянулись своими омертвевшими стебельками вверх, к теплу, вот темное озеро заискрилось веселыми зеркалами. Мир оживал на глазах, измученный, пораженный болезнями, уставший от темноты.

– Это все для тебя, милая! – с восторгом кричал Мади, обливаясь потом и из последних сил доставляя тяжелое Солнце на самый небосвод.

– Я знаю, любимый, – ласково улыбалась она ему, глядя с холма на небывалую картину.

«Уходи», – шептали ей призраки отовсюду, но она не хотела уходить. Зачем? Ведь это подарок ей, ведь это её Солнце. «Уходи», – повторяли призраки, с ужасом бросаясь в другие измерения, и лишь Амина не могла сдвинуться с места. Он подарил ей Солнце, и не важно, что оно ее убивает. Амина таяла прямо на глазах, яркие лучи насквозь проходили через ее прозрачное тело, унося с собой последние секунды счастья.

– Спасибо, – тихо прошептала она и исчезла в расцветающей синеве нового неба.

Добежать до радуги

Если знать, когда и где расцветает радуга, то можно добежать до этого места и загадать свое самое сокровенное желание. Даник, к примеру, загадал, чтобы на его день рождения мама приготовила большой клубничный пирог, Аська пожелала, чтобы папа не бил маму по голове, потому что после этого мама долго лежит на кровати и плачет, а я...

– Я хочу, чтобы была война.

Даник посмотрел на меня так, будто я с ума сбрендил, а Аська жалобно заскулила.

– А чего? Повоюем, помашем палками, станем героями! Прикиньте: «Генерал Даник! Срочно перебросьте третью танковую на западный фронт!» – Я гордо задрал голову и представил стоящего перед собой Даника, большого и грозного. – «Генерал Аська! Ждите подкрепления! Генерал Даник уже двинул свои армады вам на помощь!..»

– Не хочу-у-у, – захныкала Аська, слезы градом западали в родник и развеяли мои образы.

– Не хнычь! – я с тоской посмотрел на радугу и повернулся к Данику. – Говорил же тебе, не будем ее брать, она мне всю войну испортила!

– Да ладно, она же девчонка...

– То-то и оно, что девчонка. А я ей еще генеральское звание дал, дурак. Все, перевожу тебя в рядовые, Аська. Будешь маршировать и песни в походе петь. Ты ведь у нас хорошо поешь?

– Не хочу-у-у... Тогда папу воевать заберут, – Аська продолжала настаивать на своем и портить мои мечты.

– Ой, Аська, ну ты подумай, папу заберут, зато он твою маму бить не будет, – я был доволен ходом своих мыслей и считал, что именно этот довод сломит Аськин дух и переведет ее на мою сторону.

Ася призадумалась, но потом решительно замотала головой.

– Нет, пусть уж лучше он ее бьет, чем уйдет на войну...

– Все, ты меня вывела, я понижаю тебя до медсестры, и это мой окончательный приказ, – я посмотрел на Даника в поисках поддержки, но тот неуклюже топтался на месте и не выражал особой радости.

– А может, пойдем домой?

Я совсем уж уныло вздохнул и махнул на них рукой.

– Эх, зря я вам радугу показал...

Мы молча отправились по тропинке домой. Позади осталась радуга, весело играющая семью своими цветами, Аська хныкала, но уже собиралась уgomониться, Даник задумчиво пинал сухие ветки и изредка оглядывался на меня.

– Кстати, Даник, с днем рождения, – попытался поднять я моральный дух товарища.

– Спасибо, – ответил Даник, замедляя шаг.

– О чем думаешь?

Он приблизился ко мне вплотную и тихо прошептал, чтобы Ася не услышала:

– Знаешь, я не хочу, чтобы мама готовила сегодня клубничный пирог.

В путь

На распутии собрали ветки, разожгли костёр, присели, закурили. Был вечер, аул остался за спиной, но приятный дымчатый аромат с тёплых осенних полей ещё провожал двух путников, покидавших родные края.

– Ты всё уже для себя решил? Может, ещё не поздно? – первым заговорил сын.

– Мы обсуждали это всю ночь. Теперь уже поздно. Ты знаешь, – ответил отец.

– Неужели они не обойдутся без тебя? Ты ведь уже давно не с ними.

– Они меня призвали. Значит, я им ещё нужен.

Помолчали, докурили, подбросили новых веток.

– А ты? – продолжил отец давно начатую тему. – Тебя ведь никто не призывал. Отси-
делся бы дома, за матью присмотрел.

– Не могу. Прости.

– Понимаю.

Вновь помолчали.

– Хотя бы учёбу закончил там. А то учили тебя с матерью, учили...

– Наверное, не будет времени. Но если вернусь, обязательно закончу. И женюсь.

– Если вернёшься... Невесту уж, небось, присмотрел? – лукаво прищурил глаза отец.

– Да нет пока, – улыбнулся сын.

– И правильно. Нечего девочек зазря обнадёживать.

Оба нахмурились, вытащили по новой. Закурили.

– Меня должны перебросить на юг. Так что думай сам, – отец начал потуже зашнуровы-
вать заплечный мешок. Табакерку же он всегда держал в левом кармане.

– Стало быть, я на север подамся, чтобы с тобою случаем не столкнуться.

– Да, наверное, так будет лучше. Хотя по мне, так ты бы вернее никуда не подавался.

– Мы же договаривались.

– Знаю, знаю.

Оба поднялись. Постояли.

– Ну что, сын, в путь?

– В путь.

Крепко пожали руки, обнялись. В последний раз осмотрели окрестности и пошли по раз-
ным дорогам. Отец – на юг, сын – на север. Где—то далеко от этих краёв начиналась граждан-
ская война.

Земля Шена

Шен открыл дверь купе и заглянул вовнутрь.

– Куда едем?

Две физиономии Шена грозно посмотрели на него.

– Тебе-то – какое дело? – недружелюбно ответил один из пассажиров.

Шен обернулся в сторону проводника.

– Я отказываюсь ехать с ними, они либо психи, либо просто придурки.

– Но-но, полегче с выражениями! – донеслось из купе.

Шен—проводник пожал плечами.

– Извини, приятель, ничего не могу поделать. Все другие места заняты.

– Кем заняты? Здесь ведь кроме меня никого нет! – Шен принялся открывать все купе, из которых то и дело появлялись знакомые отражения: Шен после сна, Шен после бара, Шен перед свиданием, Шен в гипсе, Шен выпал с шестого этажа.

Шен добрался до туалета, тоже занятого Шеном после попойки, и принялся долбить по двери.

– Выходи оттуда немедленно! И вообще, все выметайтесь вон из моего вагона!

Шены возмущенно заголосили.

– А на каких это основаниях?

– Мы тоже купили билет!

– Да кто ты такой?

Шен из тренажерного зала подошел вплотную к Шену и схватил за горло.

– Послушай, кретин, я еду в своем вагоне, на своем законном месте, и не тебе указывать, где и когда мне выметаться, ясно?

Шен судорожно закивал, насколько позволяли сильные пальцы пассажира. Проводник в это время подобрал с пола кочергу и ударил рядом стоящего Шена по голове. Шен благодарно поднял руку.

– Спасибо.

Проводник изумленно раскрыл рот.

– Зачем ты это сделал? Боже, тебя же посадят на всю жизнь!

Шен посмотрел на кочергу в своих руках и ужаснулся.

– Но это вы ударили его!

– Я ударил!? С чего мне его ударять? – проводник взял тело за ногу и потащил в тамбур. –

Как некрасиво с твоей стороны переваливать вину на меня.

С другого вагона прибежали Шен-мальчик и Шен-девочка.

– Ой, дяденька, а куда вы несете нашего папу? – разом запищали они.

Шен бросил тело рядом с третьим купе.

– Хотите, сами тащите.

Шен—мальчик нахмурил брови.

– Нет уж, вы ударили, вы и тащите.

– Я не ударял. Это вон тот, – Шен указал на парня, с трудом выбравшегося из туалета.

– Теперь вы будете нашим папой? – дети схватили Шена за штанину.

– Послушайте, найдите маму и отстаньте от меня.

Дети переглянулись.

– А у нас нет мамы!!

Словно в ответ на дружные детские голоса проводник высунул голову из своего купе:

– Идите в следующий вагон, дайте нормально пообедать!

Шен с рюкзаком оттеснил Шена-из-туалета обратно в туалет и захлопнул за ним дверь.

– Чего в проходе стоять? И так тесно!

Потом он заметил проводника.

– Не против, если я у тебя денек покатаюсь?

– Конечно, – проводник оглядел рюкзак пассажира и принялся дальше поедать вареную картошку с солью.

Без большого желания Шен вошел в седьмое купе, где Шен-интеллигент сидя читал новый роман Шена, а Шен-токсикоман на верхней полки нанюхивал третий тюбик моментального клея.

– Как, интересно? – попытался завести разговор Шен, кладя на стол книгу и очки.

– Да пошел ты, – ответил ему новый пассажир.

– Не культурно, молодой человек.

– А плевать.

На полке токсикоман переключил мозг с режима «балдеть» на режим «говорить».

– Ты, урод, не трогай моего старика.

Шен поднял глаза.

– От урода слышу.

После долгого молчания интеллигент вновь заговорил.

– Не пройдет и минуты, как мы окажемся на месте.

– Правда? – подскочил Шен и стал собирать вещи.

Сосед с верхней полки покрутил пальцем у виска.

– Ты куда намылился?

Шен упаковал сумку и переобулся.

– Так конечная же!

– Ну да. А вещи зачем собираешь?

Потрясенный страшной мыслью, Шен выбежал в коридор, раздвинул занавески и увидел большую надпись, теряющуюся в тумане, – «Земля Шена». Все пассажиры дружно захлопали в ладоши, Шен-поэт сочинил по случаю торжественного прибытия стихотворение, а Шен-проводник надел парадную фуражку и синий галстук. По мере удаления надписи, люди в вагоне постепенно рассаживались по местам. «Следующая остановка – Земля Шена», – объявили по радио и включили веселую песенку. Шен вернулся в купе и в отчаянье схватился за голову. В этот момент с шумом открылась дверь, из проема показалась физиономия очередного Шена.

– Куда едем? – с оптимизмом спросил он.

– Тебе-то какое дело? – проворчал Шен и отвернулся.

Танцы с пеликанами

На берегу одного океана три самых больших пеликана танцевали свой танец любви.

Он вообще не понимал, зачем сюда приехал, что хотел доказать. Просто так сорвался,сел в скоростной поезд – и очутился здесь. Двери вагона бесшумно открылись, люди высыпали на перрон, а Кемель до последнего сидел и ждал.

Песок был приветлив в тот вечер, и солнце зависло у самой границы воды. Пел ветер так нежно, что будто бы гладил любимые девой цветы.

– Мы уже прибыли. Вам чем-то помочь? – к Кемелю подошла миловидная проводница в белой блузе и синей, как тушь, юбке.

– Нет, – ответил Кемель. – Меня должны встретить.

Во время пути он набрал номер своего старого знакомого и предупредил, что окажется в его краях. Тот обещал непременно встретить.

А волны, а волны, что синей горою неслись к побережью с других берегов. Но даже и волны, увидев тот танец, лишь трогали мягко прибрежный песок.

– О, дружище Кэм! Рад тебя видеть! – раздался у дверей голос Питера.

– И я рад, Пит, – обнялись они по—дружески.

– Где твои сумки? Ты перевёз их самолётом? – спросил Питер.

Кемель кивнул на рюкзак за спиной.

– Нет, это всё.

– Ну, не беда, – похлопал его по плечу Питер. – Вечером зайдём в магазин – прикупим тебе приличный костюм.

– Зачем?

– Завтра у Джеймса грандиозный приём. Съедутся такие гости, что мало не покажется, – они быстро покинули вокзал и уселись в машину Питера.

– Я не хочу, – Кемель из окошка наблюдал за разросшимся мегаполисом. Солнце светило очень ярко, и Питер затемнил окна.

– То есть как это? Пропустить такой праздник нельзя, понимаешь? Я был чертовски рад, что ты вдруг решил приехать. Более удобного случая познакомиться с нашими партнерами у тебя попросту не будет. А ты ведь за этим приехал? Слышал, твой отец сейчас ищет надежных друзей в Южной Африке.

Лишь трогали мягко, трёх птиц не касаясь, ракушек цветных вынося иногда. А где—то вдали два дельфина плескались, их домом была синевы глубина.

– Открой.

– Что? – не понял Питер.

– Говорю, окно открой. Хочу лучше рассмотреть вашу деревушку.

Гигантские стоэтажные небоскрёбы порою заслоняли собою небо, и казалось, что с их крыш можно сачком ловить самолёты.

И небо сливалось с безмерной водою, и облако плыло в густой синеве. А над океаном всё чайки летали, закат прижимая к песчаной земле.

Простояв около сорока минут в полуденных пробках, остановились около одного из зданий и забрались на семьдесят восьмой этаж. Это был любимый ресторанчик Питера, его здесь хорошо знали и с заказом не задерживали.

– Так ты ещё не передумал? – Питер открывал перед гостем блюда один за одним.

– Насчёт чего?

– Насчёт Джеймса. Уверяю тебя, событие пропускать нельзя. Особенно тебе, Кемель.

– Знаешь, Пит, я приехал всего на один день...

Питер едва не поперхнулся.

– Проколесить половину Азии и всю Африку, чтобы пообедать со мной в этой забега-ловке!?

Красивой особенно в танце казалась их самка, что прочих плавней танцевала. Быть яркой и страстной та самка старалась, как будто фламинго быть птицей могла бы.

– Свози меня на побережье.

Питер расцвёл.

– Ты хочешь навестить виллу Балтазара? Он и впрямь сейчас становится очень перспективным биржевым игроком. Только за последний год – прибыль в двадцать четыре процента!

– Пит, ты не понял. Свози меня на дикое побережье.

Питер загрустил.

– А что там делать?

Схватившись в безудержной схватке танцоров, самцы быть отважней друг друга пытались. Под дикую музыку синих просторов они на вечернем песке забывались.

– Какая разница? Просто свози меня туда, хорошо?

Пообедав и оставив чаевые, вновь уселись в машину. Питер долго смотрел на дорогу.

– В чём дело, Пит? – спросил его Кемель.

– Этот же вопрос хотел задать тебе и я, Кэм. К нам в руки идут контракты, о которых только мечтать, а мы будем шататься по всяким свалкам?

– Ерунда, Пит, – улыбнулся Кемель. – Просто надо решить кое-какие проблемы. Ну, так как?

– Чёрт с тобой, – завёл машину Питер. – Поехали на твоё побережье.

И вот потемнел горизонт океана, лучи уходящего солнца крадя. Как жаль, что три самых больших пеликана покинули берег песка навсегда.

– Что это? – Кемель прикрыл воротом нос от жуткого зловония.

– Побережье.

Горами мусора и гниющих отходов был завален весь берег, вода в океане зеленела от кишаших в ней паразитов, питающихся нечистотами. Кое-где из груды торчали останки танкеров, а то и крылья самолётов. Океан ежесекундно продолжал прибывать к побережью куски производственных отходов.

– А где же пеликаны? – спросил Кемель.

– Какие пеликаны? – удивился Питер. – Они уже как двести лет назад вымерли.

– Правда?

Кемель ещё несколько минут постоял среди бесконечных мусорных грядок, по колено в гнойном иле, а потом зашагал назад.

– Пит?

– Да.

– Кажется, ты хотел купить мне костюм?

Любовь

– И забирайте ваши сандали к чёртовой матери! – Эрлик с детской обидой снял с себя крылатый дар Неба и выкинул вниз. Тенгри уныло поглядывал им вслед, провожая вплоть до облаков.

– Ну и чего ты этим добился? – скривил лицо Тенгри. – Что ты мне хотел доказать?

– А то, что надоело! Понимаешь? На-до-е-ло! Сидеть в этом паршивом подземелье и смотреть, как насильники, убийцы и богохульники катают без конца гранитные глыбы, гоня моего голодного пса из угла в угол! Смотреть, как бывлые развратники заигрывают с моей женой и подозрительно косятся на детей! Ты думаешь, мне нравится давиться обглоданными костями проклятых иноверцев? Хватит. Лучше глотать лягушек, чем пережёванный на тысячу раз костный мозг!

Перед ними появилась ступенчатая дорожка, уводившая далеко в голубую высь.

– Так ты со мной? – протянул руку Тенгри и кивнул Умай. Та смело подошла к мрачному гиганту и обняла его за широкие плечи.

– Пойдём. Ты давно с нами не был.

Эрлик слегка засомневался, чуть ли не размяк, но через мгновение его лицо приняло обличающий вид.

– Который уже раз вы меня подкупаете? Нет!

Тенгри виновато почесал затылок и повёл Умай прочь.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул он. – Любовь.

– Любовь, – с сожалением повторила жена.

Эрлик в ответ лишь широко усмехнулся и просто спрыгнул на грешную землю.

То было неопишное чувство! Ради этого бог был готов не только претерпеть все невзгоды долгого перелёта, все мучения и тревогу, которые доставляла его выдавшая виды жизнь, но и забыть всех своих близких, которые пытались оторвать от самого прекрасного, что когда-либо может встретиться на пути. Впрочем, как можно копать в своей душе, когда вокруг находится такое!?

Огромный, широколиственный лес по-хозяйски раскинулся до самого горизонта. Его безмерные просторы завораживали, мutilи рассудок зелёной девственностью и мрачной дикостью; его приглушённые голоса манили к себе, обещая подарить бешеные схватки с невиданными зверьми; его беспокойное дыхание каждого листочка, каждого живого существа веяло неясными приключениями, смутными фантазиями, безмолвными сомнениями.

Река, подобно скользящей серебристой змее, разрывала благодатные земли на сотни изумрудных островов, и в каждом из них горела своя тайна, свой незабываемый секрет. Узнать его невозможно, так же невозможно, как и не попытаться его разгадать.

Кроваво-красное небо, раздетое в тёплые закатные лучи солнца, сливалось с багровой землёй. Парящие в поднебесье журавли снизошли до пленительного света умирающего светила и с необъяснимой мягкостью уложили его в кровать на своих пушистых, как снег, крыльях...

А воздух! Нет, в его душных покоях такого никогда не сыщешь. Им наполняется чувство свободы, полной свободы, безграничной свободы! Здесь забываешь обо всём – и лишь ласковый ветер едва касается твоего лица.

– Природа, – прошептал с трепетом Эрлик. – Позволь мне признаться в любви. Позволь трогать твои чёрные локоны, целовать твои нежные губы, ласкать твою божественную грудь. О, природа, ну почему ты не женщина?

Птичья тайна

Родилась Айсулу в ту самую ночь, когда на летнем небе исполин Тенгри зажгёт целое созвездие. Восемь мигающих точек расположились так причудливо, что напоминали два крыла вспорхнувшей над степью ласточки. Старики хором говорили тогда о знамении и об избраннице Неба, появившейся в ауле в славный час. Глаза малышки сверкали, как черные бусинки, и плакала она по-особенному, без слез...

– Ну, ажека, это ты уж совсем! – весело засмеялась Айсулу, забравшись на бабушкины колени. – Так не бывает! Когда я плачу, нигде в окрестностях сухого места не найти!

Райхан-аже поудобней усадила внучку.

– Если бы это было действительно так, то хану Борыку больше никогда не пришлось бы спасать наши земли от страшной засухи.

– Расскажи, расскажи мне!

– Это случилось три года назад. Трава, не успев напитаться влаги, сгорала под палящими лучами. Вместо зеленых ковров табуны лошадей видели лишь черные равнины, уходящие далеко за горизонт. Тысячи отборных скакунов гибли у всех на глазах, и никто ничего не мог с этим поделать. Не найдя другого выхода, люди решили обратиться за помощью к духам. Но призвать их было не так-то просто – требовалась большая жертва.

– Они собрали всё золото и отдали последних лошадей?

Женщина в ответ грустно улыбнулась, а потом и вовсе на её лице появилась тень.

– Духи не ценят украшений и мяса. Издревле платой за помощь была судьба одного человека. Ребенка, родившегося под знаком ласточки. Мучимые жаждой и голодом, они нашли его, твоего ровесника, и отправили по водному пути в небо, в царство великого Тенгри, чтобы он рассказал могучим Небесам о наших страданиях.

И водные духи услышали крики посланника о помощи. Из рек и озер выбрались они на сушу, три дня длилась их битва с огненными демонами, пока последний из людских защитников не пал, испарившись в раскаленном воздухе. Узнав о больших потерях, разгневался Повелитель дождя, собрал невиданную армию и направился в наши края...

– А где же была я? – удивилась девочка.

– Помнишь, как однажды мы долго скрывались с тобой в пещере от палящего солнца? – обняла она внучку. – На исходе седьмого дня небо стало черным-черным, мы спрятались в самую дальнюю часть, разожгли огонь, вот как сейчас, и не спали до поздней ночи, пока громыхала гроза.

– Уж лучше бы я помогала хану Борыку, – Айсулу насупилась, понимая, сколь редкого приключения лишили её.

– Зачем помогать тому, кто об этом еще не просил? – возразила бабушка.

Под натиском столь сильного противника засуха дрогнула, но отступила не сразу. Целая тьма звездных ласточек разлетелась до южных гор и западного моря, чтоб призвать аруахов на битву. Несколько дней подряд продолжалось сражение, носились по черному небу неисчислимы табуны суынов, из-под копыт каждого вылетали молнии и немедленно превращались в разящие стрелы. Сам Борык, сидя верхом на морском скакуне, мечом сшибал врагов, и от каждого взмаха закручивались в тугую воронку тучи, выжимая из себя настоящий ливень.

– Не правда! – не выдержала Айсулу. – Как ласточки могут кого-то позвать, если они даже говорить не умеют? И вообще, почему ласточки служат дождливому хану?

– У птичек, знаешь ли, свои тайны, – загадочно ответила Райхан-аже.

Увидев под утро, что страшный враг обращается в бегство, Борык вышел из боя и неожиданно направил своего шестиногого жеребца к земле. Он нёсся так быстро, что почти никто не мог его разглядеть.

Звеня доспехами, хан остановился у входа в пещеру и назвал твоё имя. Но ты к тому времени уже крепко-прекрепко спала. Тогда Борык рванулся туда, где сопротивление вспыхнуло с новой силой.

Говорят, что не зря Повелитель дождя обратил на тебя внимание. Он вернётся, когда ты будешь нужна больше всего на свете, когда люди потеряют надежду и перестанут верить в чудеса.

– Завтра же расспрошу ласточек, что это там у них за птичьи тайны с этим самым Борыком, – твердо решила Айсулу перед тем, как уснуть на коленях у бабушки.

Третий месяц над степью не проплывало ни единого облака.

Пишите письма

Пишите письма. Я люблю писать письма. С самого раннего детства. Ни одна сказочная тварь не оставалась в Новый год без моего поздравления. «Уважаемый господин Дракула, – писал я в Румынию до востребования. – И хотя вы очень злой и мерзостный тип, спешу поздравить вас со светлым праздником и пожелать вам всего наилучшего».

«Родной Фредди Крюгер, – тут же брался я за следующую открытку. – Вы тоже, если честно, не очень-то мне нравитесь, но мама с папой говорят, что в Новый год надо всех прощать. Я вас прощаю за то, что на прошлой неделе вы приснились мне в лифте на сорок пятом этаже Торгового центра».

«Прекрасная Афродита, – не унимался я. – Это ничего, что вас зачем-то рисуют голой на всех бульварных газетах. Я-то знаю – вы очень добрая и хорошая девушка, и вовсе даже не голая».

Когда же фантазия и память моя иссякала, я откладывал в сторону приличную стопку конвертов, брал другую ручку, с посеребрённой пастой, раскрывал большой яркий лист и начинал творить самое дорогое мне послание:

«Здравствуй, дорогой мой я! Пишу тебе из далёкого прошлого, оттуда, где ещё верят в Новый год. Как там у тебя дела? Раздобрел, ссутулился, жена опять бросила? Но ничего, не расстраивайся, это только начало. По крайней мере, в сериалах так показывают. У меня тоже всё нормально (даже не по себе как-то от этого «нормально»). На прошлой неделе два соседских гнома напились у гоблина в кафе, так потом вся полиция за ними гонялась, чтобы те не сносили больше городские небоскрёбы.

А три дня назад дядя Джон подарил мне живого единорога. Представляешь! Правда, пришлось отпилить ему рог – дядя Джон лично это сделал ещё до того, как подарить мне, ведь единороги – опасные животные, когда вооружены своей длинной штуковиной. И вообще, мой дядя – самый лучший дядя на свете! Он не обижается, когда я зову его просто Джон, он весело смеётся, когда я зову его Рональд, он делает важное лицо, когда я называю его полное имя – Джон Рональд Роуэл. Знаешь, он каждую ночь водит меня в свой мир. Только не говори родителям, а то они нам всыпят. Я трогал там волшебный меч, тайком надевал девять чёрных колец и видел настоящую принцессу!

Скажу тебе по секрету, эти принцессы на самом деле ничем не отличаются от простых девчонок – до поры до времени ходят со вздёрнутыми носами, а как какая-нибудь опасность, так скорей героя ищут. И не смейся – я правду говорю. Не веришь, сам попробуй...»

* * *

Худой ссутулившийся старик дрожащими руками разрывал письмо. Он стоял посреди огромной улицы, в рваном плаще и помятой шляпе.

– Дурак, – яростно шелестел старик. – Что за бредни? – он развеял бумагу по ветру, затем достал из—за пазухи недопитую бутылку пива. Пару раз глотнув, немного повеселел. – Нет никаких единорогов! – расхохотался он. – Нет никаких принцесс!

Кто—то сильно толкнул его в спину.

– Прочь с дороги, человек, – проворчал седой мужчина, в метр ростом и полтора в ширину. – Ну, чего уставился? Прочь, говорю! – на нём тяжело повисли два рюкзака, оба – в несколько раз больше хозяина.

– Тише, не горячись, – словно песней залился голос его спутницы. Она была высокой и стройной, с чудесными шёлковыми волосами, милым улыбающимся лицом и чуть заострёнными кверху ушами. – По-моему, он в тебя не верит.

– Сейчас я ему пару раз по морде заеду – живо поймёт, кто из нас есть, а кого может и не стать, – пригрозил сердито гном.

Эльфийка сочувственно взглянула на старика.

– Послушай, давай обойдём, а?

Но гном упрямо готовился к драке. Снял с широких плеч увесистую ношу, повыше засучил рукава:

– Я покажу, как в меня-то не верить!

– Принцесса Эли, – всё это время старик был словно в забытьи, и вдруг это видение, странное и необычное, зачем-то вернулось к нему. Оно пришло откуда-то из детства, самого раннего, самого доброго, как отголосок прошлого.

– Эге—гей, Эли! Откуда он тебя знает? – встревожился гном.

– Прежде, чем уйти, я спросил твоё имя. Это ведь была именно ты, да?

Эльфийка долго смотрела на безумного нищего, и постепенно глаза её становились влажными.

– Да, ты прав... – тихо прошептала она. – Но как время меняет людей. Тогда ты верил в меня больше...

– А сейчас я не верю в тебя совсем. Где ты была, когда моя жизнь рушилась? Где вы все были, когда мне нужна была помощь? Вы не пришли, потому что вас нет и никогда не было!

– Это не правда! – воскликнула девушка. – Ты сам закрыл нам дорогу!

– Нет, нет, нет! – старик схватился за голову и больше не хотел ничего слушать.

Но гном притянул нищего за ворот и приподнял вверх.

– Слушай, дурак, что эльфка молвит, возвращайся к нам.

– Не могу! Не верю! Я же не ребёнок!

– Отпусти его, пожалуйста, – глаза эльфы засветились прелестным теплом. – Ему нужен ключ.

– Я потерял свой ключ...

– Не хныч, человек, найдём! – хлопнул старика гном по плечу.

– Эля, вытаскивай!

Эльфийка достала из походной сумки маленький свёрток и раскрыла его. В её руках засиял магический ключ к самым дальним уголкам большого мира – мира фантазии. Книга. Старик с волнением взял её и раскрыл первые страницы. Золотыми буквами блистало имя автора – «Джон Рональд Толкиен. Хоббит, или туда и обратно».

– Твой дядя всегда был хорошим проводником, – улыбнулась Эли. – Вспоминай и возвращайся.

– Обязательно вспомню! – старик радостно листал белоснежные страницы. – Обязательно!

Серая завеса дождя, растянувшаяся над городом, стала стеклянно-серебристой, медленно раздвинулась, и перед ним открылась далекая зеленая страна в мягком свете восходящего солнца.

«Теперь ты дома», – услышал он родной голос, и нежная рука потянулась к нему, чтобы увлечь за собой. Крики взволнованных прохожих и вой сирены казались чем—то далеким и уже не важным. Он возвращался домой.

В гавани нет кораблей

На каменных дорогах распустились мраморные цветы. Никому не нужные и никем не понятые, мрачные и уродливые.

Они ничем не пахли, они навевали лишь страшную тоску, ту тоску, от которой люди зачастую кидаются с обрыва или с опущенной головой идут под топор палача. Цветы словно создал неумелый мастер, словно выживший из ума зодчий пытался вырезать лотос в ночи.

Неправильные линии изгибались в ужасные дуги, лениво превращаясь в поникшие лепестки, столь же нелепо вырисовывались контуры сердцевины с её мёртвыми, бесплодными пестиками, тычинками и завязью. Садившаяся в серый бутон пчела вмиг задыхалась от каменной пыли и умирала прямо внутри, маленький трупик её иссыхал и позже уносился ветром.

Конечно, Глупый Принц видел всё это. Не мог не видеть. Но это никак не мешало ему любоваться чужими цветами каждое утро и каждый вечер.

Он садился на своего стройного, тонконового коня и отправлялся в маленькое путешествие, заканчивающееся небольшим прудом. Принц хотел было узнать, что ждёт его за водой, но всякий раз встречал на пути высокий колючий забор. И смиренно возвращался домой.

По дороге он часто останавливался, изредка ложился на холодные лепестки, порой даже засыпал. И тогда весь королевский двор принимался искать незадачливого царька. Найдя, они со страшной радостью несли его во дворец, кормили там лакомыми яствами, ласкали, расчёсывали, купали в янтарной воде и дружно укладывали спать.

Вот только на рассвете Глупый Принц опять убежал к своим уродливым цветам.

«Глупый, глупый Принц!» – негодуяще восклицали придворные и вприпрыжку бежали за неугомонным пареньком. Не знали они, что не цветы манили его в те дальние края. Просто придворные каждый раз настигали Глупого Принца как раз в тот момент, когда он останавливался поздороваться с мёртвыми цветами.

И бесконечное множество раз Глупый Принц сбегал из златоглавого дворца, словно ища кого—то, и бесконечное множество раз его ловили у самых цветов и направляли напрямик в кровать, отпаивая медовой настойкой и кормя цветными пилюлями.

В бреду Глупый Принц повторял, что не успеет, что корабли вот-вот отплывут, что они не дождутся его, Сказочного Принца, если он будет просто лежать и ничего не делать. Потом Принц умолял отпустить его, но заботливая прислуга тщательно охраняла покой юного наследника.

Но однажды Принцу всё-таки повезло. Гуляя в саду, он смог перемахнуть через дворцовые стены и оказаться близ конюшни. Когда внимательные воспитатели заметили отсутствие Глупого Принца, сам Принц уже во весь опор мчался по тем самым каменным дорогам, мимо тех самых мраморных цветов.

Погоня не сразу бросилась вслед за ним, и потому Принц успел добраться до тёмного леса. Здесь заканчивались владения его семьи и начинались Чужие земли. Всего на секунду приостановил он коня у надписи, извещающей об опасности всем, кто пересечёт границы Королевства. Мысленно попрощавшись с домом и родителями, Глупый Принц вступил в незнакомый лес.

Непознанными тропами шёл Принц меж вековых сосен, в темноте которых волки съели его прекрасного коня, но не тронули хозяина, ибо Принц был настолько глуп, что его пожалели даже волки.

Через двое суток сосны сменились гигантскими ясенями, а под ногами зашелестела пожелтевшая листва. Склонившись над землёй, Принц разгрёб сухие листья и увидел много лёгких, едва заметных следов, оставленных день тому назад. Принц опаздывал, и ясени тускнели прямо на глазах.

Тропа вела его ещё три дня, пока не закончилась унылой опушкой. Где-то впереди беспокойно зашумело море, спрятанное мощными глыбами скал. Принц перешёл на бег, не желая понять, что безнадежно опоздал. Он бежал быстро даже в сравнении со съеденным в лесу белогривым конём, но всё равно никуда не успевал. Несмотря на остроту скал, Глупый Принц смог преодолеть их, окончательно разодрав одежду, ушибив плечо и порезав ноги.

В таком вот не сказочном виде оказался он в Серебристой Гавани, которую видел во сне и которая звала его всё это время. Но было поздно. Здесь больше не качался на волнах ни один корабль, способный увезти Принца за Море.

Ещё вчера на этом самом месте стоял белый маг с длинными—предлинными волосами и говорил «Мир с вами!» своим маленьким друзьям-хоббитам. След, оставленный его посохом, до сих пор виднелся на влажной земле.

Ещё вчера скупая слеза Сэма упала и растворилась в солёной воде, а фиал Галадриэль в руках Фродо сиял за пологом дождя.

Ещё вчера последний корабль покинул эту Гавань, чтобы больше никогда не вернуться в мир, где кончилось волшебство. Возможно, вот где—то здесь Сэрдан Коробел молвил о том, что всё готово к отплытию, и стройные эльфы вели за руку престарелого Бильбо на палубу своего корабля.

Всё прошло так быстро и торжественно, что Глупый Принц вдруг осознал потерянную предназначения. Каждый исполнял то, что должен был исполнить, и покинул этот мир. А что сделал он, глупый-глупый Принц, для своей эпохи?

С печальным видом сел он на берегу Моря, пока не умер от голода, ибо был глупым и по глупости своей забыл, что нужно есть.

После смерти Глупый Принц с удивлением слушал, как странные голоса раздаются над его бездыханным телом. Только открыв глаза, он понял, что каким-то образом очутился на последнем корабле, где все были такие же грустные и прозрачные. «Ну вот ты и с нами», — обратился к нему белый волшебник и ласково улыбнулся.

А тело Принца нашли придворные и вернули во дворец. Похороны провели почти в полном молчании. Никто так и не смог понять, для чего же жил безумный Принц и куда всегда стремилась несчастная его душа.

Мы, марсиане

Вернуться домой

Когда над долиной высоко взошли обе луны, а пыль в каньонах зашептала от прикосновения ветра, он вернулся домой. Осторожно открыл люк, снял гермошлем, прошёл гостинный отсек и оказался в спальне.

– Тебя долго не было, – сказала она. Не обиженно, ей никогда не приходило в голову обижаться на него по таким пустякам.

– Я нашёл чёрный монолит, – ответил он, присаживаясь рядом. – Но он такой тяжёлый, что за ним придётся возвращаться на глайдере. Получим за него кучу баллов.

– И чей же он? Кто-нибудь выжил?

– Кажется, корабль с Андромеды. Но там мало что осталось. Я даже не понял, был ли там кто-нибудь – аппарат мог работать на автопилоте.

Она вновь подумала о радиации, но муж перебил её.

– Капсула отклонилась и едва не угодила в каньон. В небе появился росчерк, потом я увидел шар и понял, что посадка идет не по плану.

– Это плохо, – кивнула женщина. – Всегда грустно, когда кто-нибудь разбивается.

В её глазах он прочитал, что, возможно, они сами давно сидят в таком корабле, который многие годы терпит бедствие, но промолчал. Их домик стоял, по меркам цивилизации, на самом отшибе, у каньона Мелас в долине Маринер. До ближайшего населённого пункта – 300 километров, до города и того больше пятисот. Зарабатывали тем, что искали артефакты с кораблей, иногда помогали выжившим и даже получали от правления небольшие бонусы.

Базу проектировали вместе, собирали, как космическую станцию, по частям, по мере того, как накапливали баллы. Вскоре с Земли прилетели два её брата. Работа ускорилась. Правда, оба долго уговаривали родню вернуться назад, он лишь качал головой.

– Не замерз? – спросила она. – Ночью становится все холоднее.

– Чуть-чуть, – ответил он. – И ещё проголодался.

Она улыбнулась и, укутавшись в одеяло, повела его на кухню. Включила свет, диоды беспокойно мигали, предрекая пыльную бурю.

– Утром проверю ромашку, наверное, забилась, – он убрал занавеску, за окном медленно вращались лепестки ветряной установки, собранные из лопастей потерпевших крушение аппаратов.

– Проверь.

Еда показалась ему холодной, но он промолчал. Не спеша стянул кусочки мяса с тонких шпажек, зачерпнул вилкой слипшийся рис, принялся жевать.

– Через месяц будет большой слёт, – вспомнил он. – Наверняка что-нибудь случится.

– Грустно, когда астронавты теряют любимые вещи.

– Знаю.

У них не было счетчика, но почему-то ей казалось, что уровень радиации даже здесь, за пределами каньона, значительно выше нормы. Может быть, поэтому в маленькой семье так и не появились дети. Ей хотелось вернуться назад, к морю, но все как-то не удавалось.

В минуты особо тоскливые она даже принималась собирать вещи. Правда, на мгновённом порыве все и завершалось. Вскоре немногочисленные костюмы возвращались на полку, таблетки-антигравы – в аптечку, бонусные карты – в сферу-накопитель. «И как ты без меня жить собираешься?» – спрашивала она, когда речь заходила об отъезде.

В этот день он нёс ей что-то действительно важное. Маленький контейнер, наполненный воздухом, в котором теплилась жизнь. Она булькала, сканировала небо, передавала сигналы в космос. Только безрезультатно: сто лет – слишком малый возраст для установки связи вне планеты. Да и речь скорее напоминала лепет, чем мольбу о спасении.

– Смотри, кого я нашёл! – он вбежал в дом, но не сразу её нашёл. Она в очередной раз вычищала костюмы в спальне, чтобы уйти. – Да брось! Скоро всё изменится к лучшему.

Он поставил контейнер на стол и открыл его. Синеватое свечение, под стать местному закату, наполнило отсек. Ей пришлось подойти. Снизу три пары зеркально-голубых глаз удивлённо уставились на неё, не мигая.

– Он, должно быть, голоден, – сказала она. – Приготовь еду. И найди в заднем блоке доску.

Вскоре малыш был умыт и одет в детские вещи, которые копились на базе со дня перелёта с Земли. Перед обеденным столом они поставили доску-ретранслятор. Раньше, лет десять назад, этот переводчик был в моде. Но центаврианцы почти перестали посещать человеческую систему, и импульс первого контакта утонул в рутине колонизации.

Они дождались, пока маленький гость переварит всю тарелку, и стали задавать вопросы. На экране вместо ясных образов вырисовывались размытые круги, точки, кривые линии. Центаврианец оказался ребёнком не старше 100—120 лет. Это обрадовало его и совершенно расстроило её.

– Когда он научится посылать свой первый сигнал в космос, нас уже не станет, – грустно улыбнулась она. – Мы должны отвезти его в город.

Он покачал головой.

– Всё, что падает на Марс, остаётся здесь навсегда.

Она попыталась сдержаться, но ей было больно.

– Надеюсь, меня это не касается, – неожиданно выпалила она и вышла из отсека. На доске появились обрывистые линии, словно капли земного дождя – малыш заплакал.

На рассвете она долго стояла у люка с рюкзаком на спине и гермошлемом в руках. Он спал, а ребёнок таращился в окно и пытался поймать волну местной радиостанции. Когда затянувшегося прощания с прошлым пришёл конец, она приняла решение.

– Надо вернуть тебя домой, – вслух сказала она, склонившись над контейнером. Все шесть глаз весело заискрились в ответ. – Но только не сегодня. Может быть, завтра. Или даже послезавтра.

Спустя шестьдесят лет центаврианский ребёнок отправит сородичам свой первый осознанный сигнал о помощи: «Это мы, марсиане. Здесь я, мама и папа. Прилетайте за нами. Солнечная система, планета Марс, Долина Маринер, каньон Мелас». Гул чужого корабля станет последним, что услышат его родители на исходе своих дней.

Новый снег

ГЛАВА 1

Этот мир ничем не отличался от любых других. Он был приплюснутым и летел вверх ногами над звёздным морем в лапах пурпурного птеродактиля.

В нем умирали и вновь рождались бледно—зеленые и лимонно-желтые леса.

Здесь также безразлично, как и везде, реки впадали в озера, а озера выплескивались за край земли.

Даже в живности природа не проявляла фантазии. Пролетит букашка, пробежит по колючим зарослям дикий зверь; проснется, махнет беспокойно крылом однозубый дракон – и снова наутек. Удивляться нечему.

Наравне с букашками драконы – вымирающий вид. Их уничтожили ленивые герои. Вместо полезных дел лучшие мужи в самом расцвете сил на протяжении целых десятилетий гоняли старых ящериц по горам. Когда драконов осталось мало, их по требованию Всемирной организации охраны драконов стали отпускать ранеными. Теперь эти животные не только старые, однозубые и замученные постоянными погонями, но и хромые, одноглазые, одноногие и... Ну, в общем, понятно.

По мере уничтожения живности у людей рос интерес к цивилизации. Это проявлялось в строительстве крепостей, изготовлении доспехов, ковке мечей. Особенным раздражителем для цивилизованного человека стал «цивилизованный сосед».

Все громче раздавались крики о том, кто здесь цивилизация, а кто и, прямо скажем, варвар последний. В этой священной битве никто уступать не хотел. Мы, говорили, не за деньги боремся, не за золото, не за земли, не за женщин, а за святую правду, выстраданную огнем и мечом, выращенную потом и кровью.

Эта история произошла во времена расцвета цивилизации в одном из небольших городков.

Городок как городок, ничего важного. Улочки не мощеные, ставни в домах широкие, на случай, если соседняя цивилизация осмелится напасть, садики неухоженные, персиками, как бывало в «дикие времена», не заваленные. На многих домах вьется черная ленточка – признак смертельной преданности семьи устоям цивилизации.

В городе взрастало новое поколение таких brutальных героев. Молодые, полные сил, готовые свершить законную месть. Они рождались в шлемах на голове и с непокорным кинжалом в руках. К войне герои готовили себя с детства. Ни дня не проходило без мыслей о том, как несутся они на боевых конях, как сметают все на своем пути, как земля дрожит от их стремительного бега. Их, без сомнения, ждала слава и смерть. А что еще человеку культурному надо?

Но в семье не без урода. Среди волков и заяц найдется. И среди шампиньонов в салате поганка спрячется.

Нашелся такой и в городе. В свои шестнадцать лет он – ни в стремя ногой, ни в зуб соседу. Слабак и бездельник без будущего. Фюлософ. Хлюмлик. Изубрютатель. Сидит в подвалах и в ус не дует. На женщин не смотрит. В кулачных боях не участвует. На соседа с вилами не ходит. Варвар, дикарь и еретик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.